

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ВЫБОРЕ СУПРУГА ДРУГОЙ КУЛЬТУРЫ: КРОСС-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

М.В. АЛАГУЕВ^а, В.Н. ГАЛЯПИНА^а

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

The Role of Social Identities in the Choice of a Spouse from Another Culture: A Cross-Regional Analysis

M.V. Alaguev^a, V.N. Galyapina^a

HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Резюме

В статье представлены результаты изучения связи между этнической, гражданской, религиозной идентичностями, а также идентичностью с местом проживания и отношением к вступлению в межкультурный брак жителей двух регионов России: Московского региона и Республики Бурятия. Выборку составили представители трех групп: русские, проживающие в Московском регионе (N = 189), русские, проживающие в Бурятии (N = 111), буряты, проживающие в Бурятии (N = 102). Результаты анализа показали, что отношение к межкультурному браку не имеет кросс-культурных и кросс-региональных различий и является скорее положительным. Однако выявлены различия в выраженности социальных идентичностей, а также их роли в отношении к браку с представителем другой культуры. Русские, проживающие в исследуемых регионах, имеют кросс-региональные различия в выраженности этнической, религиозной и гражданской идентичности: в

Abstract

The article presents the results of the study on the relations of ethnic, civic, religious and place identity with the attitude towards entering into an intercultural marriage. The study conducted in two multicultural Russian regions: the Moscow region and the Republic of Buryatia. The sample included the representatives of three groups: the Russians from the Moscow region (n = 189), the Russians (n = 111) and the Buryats (n = 102) from Buryatia. The attitude towards intercultural marriage had mean scores above average and did not have significant cross-cultural and cross-regional differences. However, differences in the importance of social identities and their impact on attitudes towards intercultural marriage were found. The Russians from Buryatia had more significant ethnic, civic, and religious

Статья подготовлена по материалам проведенной работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University, RF.

Бурятия они выше. Респонденты обеих национальностей, проживающие в Республике Бурятия, обладают более выраженными этнической, религиозной и гражданской идентичностями в сравнении с русскими, проживающими в Московском регионе. Результаты анализа с использованием моделирования структурными уравнениями показали, что существует негативная связь между этнической идентичностью бурят и их отношением к браку с представителем другого этноса. У русских из обоих регионов идентификация с местом проживания позитивно связана с отношением к браку с представителем другой культуры. Гражданская идентичность по-разному связана с отношением к выбору супруга другой культуры: у бурят эта связь положительная, у русских из Московского региона — отрицательная. Это может быть объяснено разным характером гражданской идентичности в данных группах: у русских из Московского региона она тесно сплетена с этнической, тогда как для бурят, проживающих в Бурятии, можно говорить о «надэтнической» идентичности, которая объединяет их со всеми гражданами России любой национальности и вероисповедания.

Ключевые слова: межкультурный брак, социальные идентичности, буряты, русские, Республика Бурятия, Московский регион.

Алагуев Михаил Викторович — аспирант, аспирантская школа; стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, межкультурные браки, социальные идентичности. Контакты: malaguev@hse.ru

Галяпина Виктория Николаевна — ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент. Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, ценности и социальные нормы, социальные идентичности. Контакты: vgalypina@hse.ru

identities than the Russians from the Moscow region (cross-regional differences). Both the Buryats and the Russians from Buryatia had more significant ethnic, religious and civic identities as compared to Russians living in the Moscow region. The results of structural equation modeling showed that there is a negative relationship between the ethnic identity of the Buryats and their attitude towards interethnic marriage. For Russians from both regions, place identity is positively associated with attitudes towards intercultural marriage. Civic identity predicted attitudes towards intercultural marriage in different ways: the Buryats had a positive relationship, while the Russians of the Moscow region had a negative one. It probably follows from the differing content of civic identity in these groups: for the Russians from the Moscow region, it is closely intertwined with ethnicity, while for the Buryats living in Buryatia, it is a “supra-ethnic” identity that connects them with all citizens of Russia of any ethnicity and religion.

Keywords: intercultural marriage, social identities, Buryats, Russians, the Republic of Buryatia, Moscow region.

Mikhail V. Alaguyev — Research Assistant, Center for Sociocultural Research; PhD Student (Psychology), Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University. Research Area: cross-cultural psychology, intercultural relations, intercultural marriage, social identities. E-mail: malaguev@hse.ru

Victoria N. Galyapina — Lead Research Fellow, Centre for Sociocultural Research; Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, PhD in Psychology. Research Area: cross-cultural psychology, intercultural relations, values and social norms, social identities. E-mail: vgalypina@hse.ru

В контексте межкультурных отношений показательны межкультурные браки, поскольку являются ключевым звеном в создании полиэтнического общества с высоким уровнем социальной сплоченности (Barker, 2015; Hohmann-Marriott, Amato, 2008; Гриценко, 1991; Сикевич, Поссель, 2019). Готовность вступить в межэтнические браки и положительное отношение к ним в обществе свидетельствуют о формировании толерантных межэтнических установок. Такие браки представляют собой модели межкультурных отношений на микроуровне и могут помочь понять меняющееся общество эпохи глобализации (Малькова, 2017). Исходя из этого, мы можем заключить, что исследование межкультурных браков является актуальным и важным.

Теоретический анализ

Межкультурные браки и отношение к ним

В литературе существует множество определений, которыми обозначаются браки между представителями разных этносов и культур: смешанный брак (mixed marriage) (Rahnu et al., 2020); межкультурный брак (intercultural marriage) (Ростовская, Ростовская, 2016; Mcfadden, Moore, 2001); национально-смешанный, этнически-смешанный брак (Гриценко, 1991; Тащёва и др., 2016); межнациональный брак (Бокова, 2007), international, transnational marriage (Chang, 2016; Gaspar et al., 2017), interethnic, bi-ethnic marriage (Gorenburg, 2006; McDoom, 2019) и др.

Термины «национальность», «этнос», «культура» имеют особенности, обусловленные изначальными различиями в их определениях, но частично их значения совпадают (Sullivan, Cottone, 2006). В данной работе мы будем использовать понятие «межкультурный брак», имея в виду супружеский союз представителей двух этносов и/или двух конфессий.

Межкультурные браки имеют свою специфику. В них, согласно многочисленным исследованиям (Cools, 2006; Garcia, 2006), существуют особые «проблемные точки», такие как различия в ценностях, в языке внутрисемейной коммуникации, в стилях общения и др.

Помимо специфики супружеских отношений вступление в межэтнические браки сказывается на психологических особенностях каждого из супругов. В исследованиях отмечается, что у них может сформироваться как биэтническая идентичность (Воронина, 2009; Малкова, 2017), так и маргинальная идентичность или культурная бездомность («cultural homelessness») (Воронина, 2009; Navarrete, Jenkins, 2011).

Отношение к межкультурным бракам варьируется в разных странах, культурах и во многом определяется этнопсихологическими факторами: межэтническими установками, толерантностью, уровнем этнического самосознания и пр. (Лурье, 2018; Макарова, 2014, Тащёва и др., 2016). Например, в СССР такие браки рассматривались как явление желательное, поскольку способствовали слиянию наций в единый «советский народ» (Уалиева, Эдриен, 2011). В настоящее время некоторые исследования, в том числе проведенные с использованием

шкалы Богардуса, демонстрируют разные результаты. Одни показывают, что отношение к межкультурным бракам в России является положительным (Джабер Хасан, 2016), другие — отрицательным (Сикевич, Поссель, 2019; Бурханова и др., 2014). Причиной такого разброса данных могут являться особенности межкультурных отношений в разных регионах России.

Социальные идентичности как фактор, влияющий на отношение к межкультурным бракам

Существует довольно много научных работ, в которых подробно описано влияние межкультурного брака на разные виды идентичности супругов и их детей (Воронина, 2009; Navarrete, Jenkins, 2011). Однако влиянию на отношение к нему идентичностей посвящено недостаточное количество исследований (Gorenburg, 2006).

Как показывает анализ, роль этнической идентичности в отношении к межкультурному браку неоднозначна. Так, Н. Коэн (Cohen, 1982) отмечает, что при яркой ее выраженности стремление вступить в межкультурный и межэтнический брак снижается. М.А. Жигунова и Е.А. Коптяева (2016) установили, что этническая идентичность не является решающей при выборе брачного партнера. Наибольшее влияние оказывают экономический, демографический, этнокультурный факторы, а также религиозная принадлежность будущего супруга (Жигунова, Коптяева, 2016). В исследовании, проведенном в 22 странах (Van Niekerk, Verkuuten, 2018), было установлено, что глубокие религиозные убеждения мусульман предсказывают их негативное отношение к браку с представителем христианской религии, и эта связь значительно различается в разных странах.

Анализ показывает, что работ, посвященных связи гражданской идентичности с отношением к межкультурным бракам, не проводилось. Однако существуют исследования ее связи с установками относительно представителей другой культуры: мигрантов, этнических меньшинств. Их результаты могут косвенно свидетельствовать о возможных связях гражданской идентичности с отношением к межкультурным бракам. Л.К. Григорян и З.Х. Лепшокова (2012) выяснили, что различные ее компоненты по-разному связаны с указанными выше установками: патриотизм — с позитивными, национализм — с негативными. Также установлено, что у людей с разной выраженностью гражданской идентичности связь с установками по отношению к иностранцам различается (Billiet et al., 2003). Можно видеть, что данные противоречивы, и однозначно предположить, какова будет связь между гражданской идентичностью и отношением к межкультурным бракам, сложно.

Идентичность с местом как сильная эмоциональная привязанность индивида к конкретной местности и/или окружению (Droseltis, Vignoles, 2010) может приводить к единению с другими группами на основе общей территории проживания. В исследовании, проведенном в Китае (Chen et al., 2017), была выявлена позитивная связь между идентичностью с местом и отношением к иностранным туристам. В исследовании, проведенном среди русского

этнического меньшинства в Латвии и Грузии, была выявлена позитивная роль идентичности с местом проживания в успешной интеграции в принимающее общество (Рябиченко и др., 2019).

Таким образом, проведенный анализ исследований показывает, что нет однозначного понимания роли этнической, религиозной, гражданской идентичности, а также идентичности с местом проживания в отношении к заключению брака с представителем другой культуры.

Социокультурный контекст исследования

Данное исследование проводилось в двух поликультурных регионах России: Московском регионе и Республике Бурятия. Выбор данных регионов обусловлен тем, что они различаются по показателям, которые влияют на отношение к межкультурным бракам (Малкова, 2017): уровень урбанизации, степень гетерогенности и открытости контактирующих народов, их языковая, культурная и религиозная близость, установки на межэтнические контакты.

Республика Бурятия — это национальная республика: 29.51% ее населения составляют буряты (коренное население), 64.91% — русские, татар (третий по численности этнос) — менее 1% (Федеральная служба государственной статистики, 2010). Проживающие на территории Бурятии этносы имеют богатую историю сосуществования.

Буряты — один из этносов Центральной Азии, их причисляют к традиционным обществам, среди которых ценится историческая память, заключенная в мифы, легенды, предания. Исследователи отмечают, что в республике происходит рост традиционно-исторического, этнического и религиозного самосознания бурят (Намаюн, 1998; Дугарова, 2010). Они стремятся к сохранению и воспроизведению культурных ценностей и традиций. При столкновении старых культурных норм с «незнакомым и чуждым» в Бурятии наблюдается спонтанное смешение традиционного и нового предметного мира (Voronova, 2019; Дугарова, 2010).

В 2010 г. русским языком владели 99.25% бурят, проживающих в Республике Бурятия, при этом для большинства он является родным. Доля бурят, владеющих бурятским языком, составляла на тот момент лишь 43.6%. Можно сказать, что почти все носители бурятского языка являются носителями разных форм билингвизма (Дырхеева, 2018). Отсутствие языкового барьера позитивно влияет на формирование благоприятной среды межэтнических контактов между русскими и бурятами.

Бурятия — территория, где проживают народы, исповедующие различные верования, в том числе православие, буддизм и шаманизм, а также синкретические формы религии, сочетающие эти конфессиональные традиции. У. Руф (Roof, 1998) определяет Бурятию как место, где границы религий находятся под вопросом, если не открыто оспариваются и отрицаются. Представители разных религиозных групп в этой республике дружелюбны по отношению друг к другу. Исследования Э. Холланда (Holland, 2014) жителей столицы Бурятии — Улан-Удэ — показали, что 53.6% русских и 75.7% бурят высказываются за то,

чтобы праздники иных религиозных групп имели государственное признание. Характерной особенностью бурят является смешение религиозных течений. Многие бурятские семьи исповедуют православие, а проживающие там русские — буддизм (Zhukovskaya, 1998).

Исследование, проведенное в Бурятии в период с 1979 по 2001 г., выявило, что в республике отсутствуют устойчивые негативные установки в отношении межкультурных браков (Махарова, 2003). В 2010 г. межэтнические браки составляли 12.0% от общего числа заключенных в республике, причем подавляющее большинство из них — между русскими и бурятами (Трифопова, 2014).

Все вышеперечисленные факторы позволяют заключить, что Республика Бурятия является регионом с опытом многовекового сосуществования коренного этноса региона (при его численном меньшинстве) с титульным этносом государства при большом разнообразии религиозных взглядов, отсутствии языкового барьера и негативных установок в отношении межэтнических браков.

В Московском регионе (городе Москве и Московской области) 86.74% населения являются русскими, при этом ни один другой этнос не представлен более чем полутора процентами населения (Федеральная служба государственной статистики, 2010). Многообразие культур в Московском регионе стало наблюдаться с 90-х гг. XX в. и было вызвано «давлением миграции». Число инокультурных мигрантов в регионе достаточно велико, и принятие их воспринимается как проблема для Московского мегаполиса (Малькова, 2017).

Межэтнические браки в 2011 г. в Москве составили 10.9%, при этом их число снижается. Большая часть таких браков заключается между русскими и украинцами (Лурье, 2018). В целом в Москве ситуация с межэтническими браками является скорее напряженной. Это в большей степени обусловлено негативным отношением принимающего населения к мигрантам (как внутренним, так и внешним) (Лурье, 2018; Уалиева, Эдриен, 2011; Малькова, 2017; Тишков, 2017).

Однако, говоря о Московском регионе, важно отметить, что в реализуемой Россией с середины 1980-х гг. политике глобализации, модернизации и информатизации Москва находится как бы «на передовой». Одновременно здесь представлены как носители европейских, либеральных культурных норм, так и приверженцы более консервативных взглядов. На массовом же уровне поощряется мультикультурный диалог, среди населения распространено усвоение новых культурных норм (Тишков, 2017).

Республика Бурятия и Московский регион отличаются своими традиционализмом/модернизированностью, что может сказываться на отношении к межкультурным бракам (Малкова, 2017). Также существуют отличия в этническом и религиозном составе населения (Лурье, 2018; Макарова, 2014; Ташёва и др., 2016). Московский регион, в отличие от Бурятии, является регионом с одним доминирующим этносом, составляющим большинство (русские). Проживающие в моноэтнической среде люди, как правило, проявляют меньший интерес к своей этничности, следствием чего могут быть и меньший интерес к особенностям других этносов, и иное отношение к межэтническим бракам (Карманова, Медведева, 2016).

Несмотря на то что межкультурное взаимодействие осуществляется в обоих регионах, в Бурятии оно рассматривается в целом позитивно (Holland, 2014), а в Москве отношения между представителями разных культур зачастую являются проблемными (Тишков, 2017).

Исходя из анализа ранее проведенных исследований и особенностей социокультурного контекста, мы сформулировали следующие исследовательские вопросы.

Какова роль этнической, гражданской, религиозной идентичности и идентичности с местом проживания в отношении к вступлению в межкультурный брак у жителей поликультурных регионов России?

Каковы сходства и различия в связи этнической, гражданской, религиозной идентичностей, а также идентичности с местом проживания и отношением к вступлению в межкультурный брак у бурят и русских в Республике Бурятия и у русских в Московском регионе?

Метод

Процедура исследования

Исследование проводилось в декабре 2019 — феврале 2020 г. с помощью социально-психологического опроса. Для проведения исследования использовалась онлайн-платформа. Выборка удобная (использовался метод «снежный ком»).

Выборка исследования

В выборку вошли представители трех групп: русские, проживающие в Московском регионе (N = 189), русские, проживающие в Бурятии (N = 111), буряты, проживающие в Бурятии (N = 102). В таблице 1 представлены гендерные и возрастные характеристики выборки, а также уровень образования и религиозная принадлежность респондентов.

Методы исследования

Для исследования этнической и гражданской идентичностей были использованы две соответствующие шкалы из проекта «Взаимные межкультурные отношения в поликультурном обществе» (MIRIPS) (Лебедева, Татарко, 2009).

Этническая идентичность, рассматриваемая как субъективное чувство принадлежности к этнической группе, включала шесть пунктов (например: «Я горжусь тем, что я русский/бурят»; $\alpha = 0.90$ для бурят; $\alpha = 0.87$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.80$ для русских Московского региона).

Гражданская идентичность, понимаемая как сознание принадлежности к государству (в нашем исследовании — России), состояла из шести пунктов (например: «Я счастлив/а быть гражданином/кой России»; $\alpha = 0.90$ для бурят; $\alpha = 0.92$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.91$ для русских Московского региона).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов

	Русские из Московского региона	Буряты из Республики Бурятия	Русские из Республики Бурятия	Вся выборка
<i>Пол</i>				
Женщины	134 (70.9%)	72 (70.6%)	91 (82.0%)	297 (73.9%)
Мужчины	55 (29.1%)	30 (29.4%)	20 (18.0%)	105 (26.1%)
<i>Возраст</i>				
Среднее (std. отклонение)	22.30 (3.44)	26.71 (7.45)	25.88 (7.49)	24.41 (6.24)
<i>Образование</i>				
Неполное среднее	3 (1.6%)	2 (2.0%)	5 (4.5%)	10 (2.5%)
Общее среднее	43 (22.8%)	12 (11.8%)	16 (14.4%)	71 (17.7%)
Среднеспециальное, среднее профессиональное	25 (13.2%)	10 (9.8%)	12 (10.8%)	47 (11.7%)
Высшее	118 (62.4%)	78 (76.5%)	78 (70.3%)	274 (68.2%)
<i>Отношение к религии</i>				
Не исповедую никакой религии	74 (39.2%)	25 (24.5%)	29 (26.1%)	128 (31.8%)
Буддизм	3 (1.6%)	64 (62.7%)	5 (4.5%)	72 (17.9%)
Православие	96 (50.8%)	1 (1.0%)	67 (60.4%)	164 (40.8%)
Иное	16 (8.5%)	12 (11.8%)	10 (9.0%)	39 (29.3%)
Итого	189 (100.0%)	102 (100.0%)	111 (100.0%)	402 (100.0%)

Также нами были использованы шкалы религиозной идентичности и идентичности с местом проживания, адаптированные и используемые Центром социокультурных исследований НИУ ВШЭ.

Религиозная идентичность, рассматриваемая как осознание принадлежности к религиозной конфессии (Verkuyten, 2007; Verkuyten, Yildiz, 2007), включала пять пунктов (например: «Я рад исповедовать свою религию»; $\alpha = 0.95$ для бурят; $\alpha = 0.95$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.96$ для русских Московского региона).

Идентичность с местом как результат самокатегоризации на основе принадлежности к определенному месту (Droseltis, Vignoles, 2010), состояла из пяти пунктов (например: «Я чувствую эмоциональную привязанность к Бурятии»; $\alpha = 0.83$ для бурят; $\alpha = 0.92$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.89$ для русских Московского региона).

Отношение к вступлению в межкультурные браки измерялось с помощью двух вопросов, сформулированных авторами исследования: «Насколько комфортно

было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной национальности?», «Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной религии?».

Результаты

Первоначально мы сравнили средние значения всех исследуемых переменных в трех группах: этническую и региональную принадлежность в качестве независимых переменных и этническую, гражданскую, религиозную идентичности, идентичность с местом проживания, отношение к вступлению в брак с представителями другой этнической, а также религиозной группы в качестве зависимых. MANOVA показал, что в трех группах существуют значимые различия. Wilks' $\lambda = 0.852$, $F(12, 788) = 5.46$, $p < 0.001$, $\eta^2 = 0.077$. Различия по отдельным показателям, полученные с помощью ANOVA, также были значимыми (результаты представлены в таблице 2). Для контроля пола и возраста мы также провели MANOVA. Результаты показали отсутствие значимых различий между данными мужчин и женщин (Wilks' $\lambda = 0.971$, $F(6, 391) = 1.95$, $p = 0.072$, $\eta^2 = 0.029$), а также представителей разных возрастных групп (Wilks' $\lambda = 0.669$, $F(138, 2182) = 1.13$, $p = 0.150$, $\eta^2 = 0.065$).

Этническая идентичность у русских из Московского региона значимо менее выражена, чем у бурят и русских из Бурятии. Это указывает на то, что она становится более значимой в условиях постоянного межэтнического

Таблица 2

Результаты сравнения всех переменных у русских из Москвы и Бурятии и бурят из Бурятии (максимальная оценка – 5)

Переменные	Русские из Московского региона	Буряты из Республики Бурятия	Русские из Республики Бурятия	F	Partial η^2
	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
Этническая идентичность	3.84 (.71) _a	4.13 (.84) _b	4.07 (.79) _b	5.97	0.029**
Гражданская идентичность	3.73 (.99) _a	3.92 (.84) _{ab}	4.14 (.89) _b	6.86	0.033**
Религиозная идентичность	2.85 (1.34) _a	3.60 (1.17) _b	3.42 (1.27) _b	13.87	0.065***
Идентичность с местом	3.27 (1.03) _a	3.73 (.81) _b	3.23 (1.09) _a	8.66	0.042***
Отношение к вступлению в брак с представителем иной этничности	3.29 (1.19) _a	3.61 (1.04) _a	3.49 (1.05) _a	2.91	0.014
Отношение к вступлению в брак с представителем иной религии	2.90 (1.21) _a	3.17 (1.07) _a	3.03 (1.19) _a	1.69	0.008

Примечание. Одинаковые индексы говорят об отсутствии статистически значимых различий.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

контакта (в данном случае — в Бурятии). У бурят и русских, проживающих в Бурятии, значимых различий в выраженности этнической идентичности выявлено не было.

Религиозная идентичность у жителей Бурятии — как бурят, так и русских — выражена более значимо, чем у русских Московского региона. При этом различий между выраженностью данной идентичности у бурят и русских, проживающих в Бурятии, выявлено не было. Возможно, ситуация постоянного межкультурного контакта способствует также повышению значимости религиозной идентичности.

Гражданская идентичность у русских из Бурятии значимо выше, чем у представителей этой национальности из Московского региона. Выраженность данной идентичности у бурят и русских жителей Бурятии не имеет значимых различий.

Идентичность с местом у бурят из Бурятии значимо выше, чем у русских в обоих изучаемых регионах. При этом различий между русскими, проживающих в этих регионах, в выраженности данной идентичности выявлено не было.

Исследование показало, что отношение к возможному вступлению в брак с представителем иных этнической группы и/или религии наиболее положительное у бурят, наименее — у русских Московского региона, однако эти различия статистически незначимы.

Далее мы провели мультигрупповой анализ, используя моделирование структурными уравнениями. Результаты показали отсутствие инвариантности (все $\Delta CFI > 0.01$). Исходя из этого, дальнейший анализ мы проводили отдельно для каждой группы (рисунок 1 и таблица 3). Показатели трех моделей соответствуют рекомендованным, что свидетельствует о статистической значимости моделей (Hu, Bentler, 1999).

Результаты, полученные в ходе моделирования структурными уравнениями в группе русских из Московского региона, показывают, что их гражданская идентичность отрицательно связана с отношением к межэтническому браку: чем больше русские в Московском регионе ощущают себя россиянами, тем менее желательна для них возможность вступления в такой брак. При этом идентичность с местом проживания положительно связана с отношением к межэтническому браку: чем больше респонденты ощущают себя жителями Московского региона, тем более позитивно они относятся к возможности вступления в такой брак. Другие связи статистически незначимы.

Таблица 3

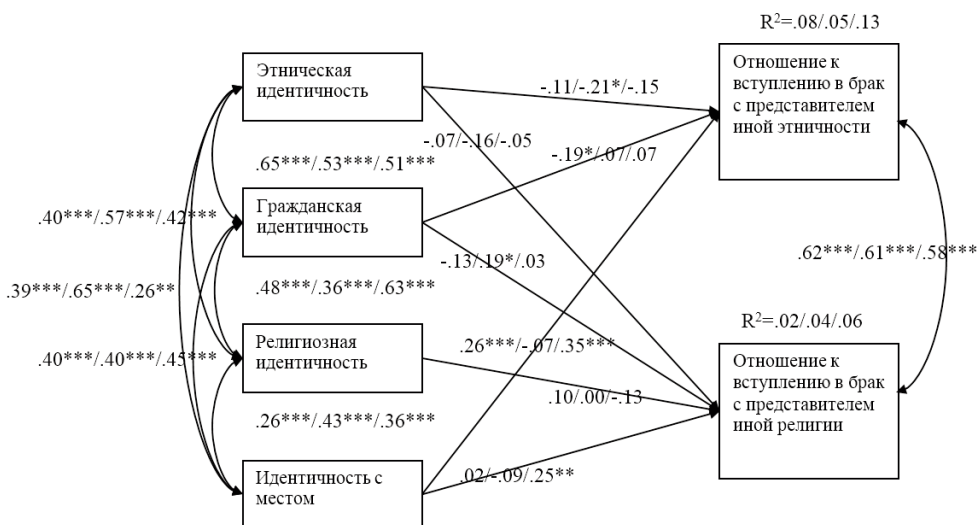
Показатели моделей связи социальных идентичностей и отношения к вступлению в межкультурный брак

χ^2/df	SRMR	CFI	RMSEA	PCLOSE
0.8/0.5/0.8	0.014/0.014/0.015	1.00/1.000/1.00	0.00/0.00/0.00	0.487/0.536/0.442

Примечание. Результаты трех групп представлены через слеш: русские Московского региона/буряты Бурятии/русские Бурятии.

Рисунок 1

Модель связи социальных идентичностей и отношения к вступлению в межкультурный брак

Примечание. Результаты трех групп представлены через слеш: русские Московского региона/ буряты Бурятии/русские Бурятии.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Результаты, полученные на выборке бурят, показывают, что их выраженная этническая идентичность имеет отрицательную связь с отношением к межэтническому браку: чем более респонденты ощущают себя бурятами и чем более позитивно к этому относятся, тем менее желательно для них возможное вступление в такой брак. Выраженная гражданская идентичность у бурят положительно связана с их отношением к вступлению в брак с представителем иной религии: чем больше буряты ощущают себя россиянами, тем более благоприятно они относятся к возможности вступления в такой брак. Остальные связи были статистически незначимы.

Результаты, полученные на выборке русских из Бурятии, показали, что положительные связи есть только между идентичностью с местом проживания и отношением к межкультурному браку: если русские тепло относятся к Бурятии, то они позитивно относятся к возможному браку как с представителем иного этноса, так и с представителем иной религии. Другие связи были статистически незначимы.

Обсуждение результатов

Данное исследование является важным для психологической науки и практики. Оно проливает свет на проблему межкультурного взаимодействия, поскольку отношение к межкультурным бракам является одним из показателей межкультурных установок в обществе. Анализ роли социальных идентичностей

в выборе супруга иной культуры, проведенный в двух поликультурных регионах России, позволил выявить связи между этнической, гражданской, религиозной идентичностями и идентичности с местом проживания и отношением к вступлению в такой брак. Кроме того, были выявлены сходства и различия этих связей у бурят и русских, проживающих в Бурятии, а также у русских из Московского региона.

Кросс-культурное и кросс-региональное сравнения показали, что отношение к браку с представителем другой культуры у русских из Московского региона, а также русских и бурят, проживающих в Бурятии, значимо не различается и имеет значение выше среднего. Таким образом, отвечая на наш второй исследовательский вопрос, можно сказать, что и в Московском регионе, и в Бурятии существуют достаточно позитивные установки на межкультурное взаимодействие на уровне межкультурного супружеского союза. Наши данные согласуются с результатами, полученными в Бурятии Г.С. Махаровой (2003). Также они позволяют говорить о том, что в Московском регионе существует достаточно лояльное отношение к вступлению в межкультурные браки.

Сравнение выраженности социальных идентичностей позволяет говорить как о кросс-региональных, так и о кросс-культурных различиях. Так, этническая, религиозная и гражданская идентичности более выражены у жителей Бурятии (и у русских, и у бурят) в сравнении с русскими — жителями Московского региона. Наши данные находят подтверждение в исследованиях, проведенных Л.М. Дробижевой (2008). Кроме того, мы установили, что гражданская идентичность у русских, проживающих в Бурятии, была значимо более выражена, чем у бурят — жителей Бурятии и русских из Московского региона. Это соотносится с результатами, полученными в работе по изучению особенностей русских, живущих в инокультурной среде (Дробижева, 2010), в которой было установлено, что в республиках гражданская идентичность стала иметь большее значение для представителей этой национальности, чем этническая.

Что касается выраженности идентичности с местом проживания, то она более выражена у бурят из Бурятии в сравнении с живущими там и в Московском регионе русскими. Возможно, это связано с тем, что для бурят особенно важна идентичность, в основу которой положен географический фактор (Очирова, 2014), связанный со значением озера Байкал и всего Байкальского региона. Многие буряты ощущают тесную связь с этим местом.

Как показали результаты, отношение к межкультурному браку в трех исследуемых группах значимо не различалось. Однако были обнаружены значимые различия в связях между этнической, гражданской, религиозной идентичностями и идентичности с местом проживания и отношением к вступлению в такой брак. Мы установили, что идентичность с местом обуславливает положительное отношение к межкультурному браку у русских, проживающих как в Бурятии, так и в Московском регионе. У бурят же данная идентичность, имея гораздо более высокие показатели, чем у русских, не оказывает значимого влияния на отношение к такому браку. Возможно, для русского

человека идентичность с местом проживания играет интегрирующую роль (Рябиченко и др., 2019).

Этническая идентичность в целом отрицательно связана с положительным отношением к вступлению в межкультурный брак. Несмотря на то что статистически значимой данная связь является только у бурят, проживающих в Бурятии, в двух группах русских она также является отрицательной. Эти данные согласуются с результатами, полученными Н. Коэн (Cohen, 1982), в которых отмечается негативная связь культурной идентичности с установками на межкультурные браки, и с данными исследования М.А. Жигуновой и Е.А. Коптяевой (2016), которые отмечают, что влияние этнической идентичности не абсолютно и опосредовано другими факторами (демографическими, социокультурными, экономическими). Возможно, поэтому у бурят, как представителей народа, ориентированного на традиционные ценности и сохранение культуры (Вогопова, 2019; Дугарова, 2010), выраженная этническая идентичность является мощным значимым предиктором их отношения к межкультурным бракам.

Интересным является тот результат, что существует связь между гражданской идентичностью и отношением к браку с представителем другой культуры. Ощущение себя гражданином России у русских, проживающих в Московском регионе, отрицательно влияет на отношение к браку с представителем другого этноса, но положительно — на отношение бурят — жителей Бурятии к браку с представителем другой религии. Для русских из Московского региона отчасти это может быть связано с тем, что для них гражданская и этническая идентичности очень сильно «сплетены» и представляют собой единую гражданско-этническую идентичность (Арутюнян, 2009; Дробизева, 2008). Для бурят, живущих в Бурятии, гражданская идентичность является «надэтнической» и связывает их со всеми гражданами России любой национальности и вероисповедания. Определяющим это фактором является идея единства и равноправия всех народов России (Антонов и др., 2017).

Выводы

Проведенное исследование позволяет нам сделать ряд общих выводов.

1. Данные кросс-культурного и кросс-регионального анализа свидетельствуют о том, что для бурят, проживающих в Бурятии, позитивным предиктором отношения к браку с представителем другой культуры является гражданская идентичность, а отрицательным — этническая.

2. Для русских как из Бурятии, так и из Московского региона идентичность с местом проживания обуславливает положительное отношение к межкультурным бракам.

3. Для русских, проживающих в Московском регионе, их выраженная гражданская российская идентичность способствует негативному отношению к межкультурному браку.

Мы видим, что для русских (и как составляющих этническое большинство в Московском регионе, и как представителей нетитульного этноса в

Республике Бурятия) важным фактором, ориентирующим их на положительное отношение к вступлению в брак с представителем другой культуры, является идентичность с местом проживания.

Гражданская идентичность оказывает противоположное влияние на отношение к вступлению в межкультурный брак: для представителей титульного этноса в национальной республике, ориентированного на традиционные ценности и сохранение собственной культуры (бурят), она способствует положительному отношению к межкультурным бракам. Для русских из Московского региона как этнического большинства, наиболее часто встречающегося с проблемами, вызванными массовой миграцией, гражданская идентичность, возможно, будучи конструктом, близким по содержанию к этнической, способствует негативному отношению к вступлению в межкультурные браки.

Результаты проведенного исследования определили вопросы, подлежащие дальнейшему изучению. Наша работа была проведена в Московском регионе и национальной Республике Бурятия, и нельзя с уверенностью судить о применимости этих результатов ко всем национальным республикам России ввиду того, что у них существует множество особенностей. Таким образом, для более детального определения роли социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры необходимо проведение дальнейших исследований в иных социокультурных контекстах. Кроме того, целесообразным будет включение в выборку бурят, проживающих в Московском регионе (как представителей этнического меньшинства), чтобы можно было контролировать этнический статус респондентов.

Литература

- Антонов, В. И., Очирова, О. А., Петрова, А. А. (2017). Особенности национальной идентичности российских этносов: уровни и факторы (на примере современных бурят). *Вестник Калмыцкого университета*, 34(2), 116–121.
- Арутюнян, Ю. В. (2009). Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии. *Общественные науки и современность*, 4, 91–97.
- Бокова, Т. Л. (2007). Основные тенденции в развитии многонациональной семьи в Российском обществе. *Известия Томского политехнического университета*, 7(11), 101–114.
- Бурханова, Ф. Б., Садретдинова, Э. В., Шайхисламов, Р. Б. (2014). Родственность в межэтнической дистанции. *Вестник Башкирского университета*, 19(2), 619–624.
- Воронина, А. С. (2009). Трансформации моделей поведения в межкультурной коммуникации на примере смешанных браков и межкультурных сожительства. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3, 142–147.
- Григорян, Л. К., Лепшокова, З. Х. (2012). Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян. *Социальная психология и общество*, 2, 5–20.
- Гриценко, В. В. (1991). Социально-психологический климат вокруг национально смешанных семей. В кн. *Этнические факторы в жизни общества* (с. 53–62). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР.

- Джабер Хасан, М. А. (2016). Перспективы межэтнического брака. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, 52, 58–62.
- Дробижева, Л. М. (2008). Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В кн. М. К. Горшков (ред.), *Россия реформирующаяся* (вып. 7, с. 214–227). М.: Институт социологии РАН.
- Дробижева, Л. М. (2010). Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. *Социологические исследования*, 12, 49–58.
- Дугарова, Т. Ц. (2010). *Особенности этнического самосознания современных бурят России* [Докторская диссертация, Московский педагогический государственный университет].
- Дырхеева, Г. А. (2018). Языковая ситуация в Республике Бурятия. *Мир Большого Алтая*, 4(2), 302–320. <https://nitsaltaytanus.wixsite.com/altajournal/dyrkheeva>
- Жигунова, М. А., Коптяева, Е. А. (2016). Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности. *Вестник Томского государственного университета. История*, 5(43), 100–104. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/21>
- Карманова, Т. М., Медведева, И. А. (2016). Особенности этнической идентичности и этнической толерантности студентов из моно- и полиэтнических семей. *Международный научно-исследовательский журнал*, 5(47), 145–147. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.245>
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (ред.). (2009). *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России*. М.: РУДН.
- Лурье, С. В. (2018). Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии. *Петербургская социология сегодня*, 10, 122–148. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>
- Макарова, И. А. (2014). Межэтнический брак: концептуализация понятия. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 164, 150–154.
- Малкова, А. А. (2017). Этническая идентификация у женщин, состоящих в межэтническом браке. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 10(4), 83–93. <https://doi.org/10.14529/psy170408>
- Малькова, В. К. (2017). Многообразие культур в Московском мегаполисе и его социально-экономический ресурс. В кн. В. А. Тишков, В. В. Степанов (ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 230–279). М.: ИЭА РАН.
- Махарова, Г. С. (2003). *Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе* [Кандидатская диссертация, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ].
- Очирова, О. А. (2014). Проблемы и противоречия социально-экологического развития регионов России: межпоколенческий и межкультурный аспекты. *Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*, 3(48), 138–142.
- Ростовская, Т. К., Ростовская, Н. А. (2016). Кросскультурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции. *Культурное наследие России*, 2(13), 78–83.
- Рябиченко, Т. А., Лебедева, Н. М., Плотка, И. Д. (2019). Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>
- Сикевич, З. В., Поссель, Ю. А. (2019). Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ). *Социологический журнал*, 1, 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>
- Ташёва, А. И., Гриднева, С. В., Стефаненко, Т. Г., Тихомандрицкая, О. А. (2016). Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством. *Российский психологический журнал*, 13(3), 39–52. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3>

- Тишков, В. А. (2017). Мировой опыт полиэтничности и Россия: три причины для интереса. В кн. В. А. Тишков, В. В. Степанов (ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 11–21). М.: ИЭА РАН.
- Трифонов, А. Т. (2014). Современные межэтнические семьи: ценностные ориентации. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет.
- Уалиева, С., Эдриен, Э. (2011). Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане. *Неприкосновенный запас*, 6, 34–45.
- Федеральная служба государственной статистики. (2010). *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей*. М.: ИИЦ «Статистика России»; Федеральная служба государственной статистики. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Antonov, V. I., Ochirova, O. A., & Petrova, A. A. (2017). *Osobennosti natsional'noi identichnosti rossiskikh etnosov: urovni i faktory (na primere sovremennykh buryat)* [Features of the national identity of Russian ethnic groups: levels and factors (using the example of modern Buryats)]. *Vestnik Kalmytskogo Universiteta*, 34(2), 116–121.
- Arutyunyan, Y. V. (2009). *Rossiyanе: problemy formirovaniya natsional'no-grazhdanskoi identichnosti v svete dannykh etnosotsiologii* [Russians: problems of national-civic identity formation in the light of ethnosociology data]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*, 4, 91–97.
- Barker, G. (2015). Choosing the best of both worlds: The acculturation process revisited. *International Journal of Intercultural Relations*, 45, 56–69. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.001>
- Billiet, J., Maddens, B., & Beerten, R. (2003). National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: A replication. *Political Psychology*, 24(2), 241–257. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00327>
- Bokova, T. L. (2007). *Osnovnye tendentsii v razvitii mnogonatsional'noj sem'i v Rossiiskom obshchestve* [The main developmental trends of the multinational family in the Russian society]. *Izvestiya Tomskogo Politehnicheskogo Universiteta*, 11(7), 101–114.
- Boronova, M. M. (2019). The Buryats: ethno-social development and post-Soviet transformations (based on the 2017 opinion polls among the young people of Buryatia, the Irkutsk region, and the Trans-Baikal region). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 47(3), 127–135. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.3.127-135>
- Burkhanova, F. B., Sadretdinova, E. V., & Shaihislamov, R. B. (2014). *Rodstvennost' v mezhetnicheskoi distantcii* [Kinship in interethnic distance]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 19(2), 619–624.
- Chang, H.-C. (2016). Marital power dynamics and well-being of marriage migrants. *Journal of Family Issues*, 37(14), 1994–2020. <https://doi.org/10.1177/0192513X15570317>
- Chen, S., Wang, S., & Xu, H. (2017). Influence of place identity on residents' attitudes to dark tourism. *Journal of China Tourism Research*, 13(2), 1–19. <https://doi.org/10.1080/19388160.2017.1401023>
- Cohen, N. (1982). Same or different? A problem of identity in cross cultural marriages. *Journal of Family Therapy*, 4(2), 177–199. <https://doi.org/10.1046/j..1982.00585.x>

- Cools, C. (2006). Relational communication in intercultural couples. *Language and Intercultural Communication*, 6(3&4), 262–274. <https://doi.org/10.2167/laic253.0>
- Dzhabber Khasan, M. A. (2016). *Perspektivy mezhetnicheskogo braka* [Prospects for interethnic marriage]. *Psikhologiya i Pedagogika: Metodika i Problemy Prakticheskogo Primeneniya*, 52, 58–62.
- Drobizheva, L. M. (2008). *Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovместimosti* [National-civic and ethnic identity: problems of positive compatibility]. In M. K. Gorshkov (Ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya* (Iss. 7, pp. 214–228). Moscow: Institute of Sociology of the RAS.
- Drobizheva, L. M. (2010). Identity and ethnic attitudes of Russians in their own/other ethnic medium. *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*, 12, 49–59. (in Russian)
- Droseltis, O., & Vignoles, V. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Dugarova, T. Ts. (2010). *Osobennosti etnicheskogo samosoznaniya sovremennykh buryat Rossii* [Features of ethnic identity of modern Buryats of Russia] [Doctoral dissertation, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation].
- Dyrkheeva, G. A. (2018). The language situation in Buryat Republic. *Mir Bol'shogo Altaya [World of the Great Altai]*, 4(2), 302–320. <https://nitsaltaytanus.wixsite.com/altajournal/dyrkheeva> (in Russian)
- Federal State Statistics Service. (2010). *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda v otnoshenii demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh kharakteristik otdel'nykh natsional'nostei* [The results of the 2010 All-Russian Population Census regarding the demographic and socio-economic characteristics of individual nationalities]. Moscow: Statistika Rossii; Federal State Statistics Service. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html
- Garcia, D. (2006). Mixed marriages and transnational families in the intercultural context: A case study of African-Spanish couples in Catalonia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 32(3), 403–433. <https://doi.org/10.1080/13691830600555186>
- Gaspar, S., Ferreira, A. C., & Ramos, M. (2017). European bi-national marriages in Portugal and EU social integration. *Portuguese Journal of Social Science*, 16(3), 393–410. https://doi.org/10.1386/pjss.16.3.393_1
- Gorenburg, D. (2006). Rethinking interethnic marriage in the Soviet Union. *Post-Soviet Affairs*, 22(2), 145–165. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.22.2.145>
- Grigoryan, L. K., & Lepshokova, Z. K. (2012). The role of national identity and attitudes towards immigrants in economic beliefs of Russians: An empirical model. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2, 5–20. (in Russian)
- Gritsenko, V. V. (1991). *Sotsial'no-psikhologicheskii klimat vokrug natsional'no smeshannykh semei* [Socio-psychological climate around nationally mixed families]. In *Etnicheskie faktory v zhizni obshchestva* [Ethnic factors in social life] (pp. 53–62). Moscow: Institut etnologii i antropologii AN SSSR.
- Hamayon, R. N. (1998). Shamanism, Buddhism and epic heroism: Which supports the identity of the post Soviet Buryats? *Central Asian Survey*, 17(1), 51–67. <https://doi.org/10.1080/02634939808401023>
- Hohmann-Marriott, B. E., & Amato, P. (2008). Relationship quality in interethnic marriages and cohabitations. *Social Forces*, 87(2), 825–855. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0151>
- Holland, E. C. (2014). Religious practice and belief in the Republic of Buryatia: comparing across faiths and national groups. *Nationalities Papers*, 42(1), 165–180. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.853032>

- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Karmanova, T. M., & Medvedeva, I. A. (2016). Ethnic identity and ethnic tolerance distinctive features of the students from mono- and polyethnic families. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal [International Research Journal]*, 5(47), 145–147. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.245> (in Russian)
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (Eds.). (2009). *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii: Sbornik nauchnykh statey [Strategies for the intercultural interaction of migrants and the population of Russia: A collection of scientific articles]*. Moscow: RUDN University.
- Lurie, S. V. (2018). Interethnic marriages in the contemporary Russian national script. *Peterburgskaya Sociologiya Segodnya [St. Petersburg Sociology Today]*, 10, 122–148. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077> (in Russian)
- Makarova, I. A. (2014). Interethnic marriage: conceptualization concepts. *Izvestiya Rossijskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena*, 164, 150–154. (in Russian)
- Makharova, G. S. (2003). *Natsional'no-smeshannye braki v Respublike Buryatiya na sovremennom etape [Nationally mixed marriages in the Republic of Buryatia at the present stage]* [PhD dissertation, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation].
- Malkova, A. A. (2017). Ethnic identification of women in inter-ethnic marriage. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series "Psikhologiya" [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"]*, 10(4), 83–93. <https://doi.org/10.14529/psy170408> (in Russian)
- Mal'kova, V. K. (2017). Mnogooobrazie kul'tur v Moskovskom megapolise i ego sotsial'no-ekonomicheskii resurs [The diversity of cultures in the Moscow metropolis and its socio-economic resource]. In V. A. Tishkov & V. V. Stepanov (Eds.), *Etnicheskoe i religioznoe mnogooobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity in Russia]* (pp. 230–279). Moscow: IEA RAS.
- McDoom, O. S. (2019). Ethnic inequality, cultural distance, and social integration: evidence from a native-settler conflict in the Philippines. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(9), 1532–1552. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1427566>
- Mcfadden, J., & Moore, J. L. (2001). Intercultural marriage and intimacy: Beyond the continental divide. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 23, 261–268. <https://doi.org/10.1023/A:1014420107362>
- Navarrete, V., & Jenkins, S. R. (2011). Cultural homelessness, multiminority status, ethnic identity development and self-esteem. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 791–804. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.04.006>
- Ochirova, O. A. (2014). Problems and contradictions of social and environmental development of Russia's regions: intergenerational and intercultural aspects. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta Tekhnologii i Upravleniya*, 3(48), 138–142. (in Russian)
- Rahnu, L., Puur, A., Kleinepier, T., & Tammaru, T. (2020). The role of neighbourhood and workplace ethnic contexts in the formation of inter-ethnic partnerships: A native majority perspective. *European Journal of Population*, 36(2), 247–276. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09528-x>
- Roof, W. (1998). Religious borderlands: Challenges for future study. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37(1), 1–14. <https://doi.org/10.2307/1388025>
- Rostovskaya, T. K., & Rostovskaya, N. A. (2016). Cross-cultural marriages in youth milieu: issues, trends. *Kul'turnoe Nasledie Rossii*, 2(13), 78–83. (in Russian)

- Ryabichenko, T., Lebedeva, N., & Plotka, I. D. (2019). Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 15(2), 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206> (in Russian)
- Sikevich, Z. V., & Possel, Y. A. (2019). The structure and typology of the ethnic identity of members of interethnic and mono-ethnic families (a comparative analysis). *Sotsiologicheskii Zhurnal [Sociological Journal]*, 25(1), 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282> (in Russian)
- Sullivan, C., & Cottone, R. R. (2006). Culturally based couple therapy and intercultural relationships: A review of the literature. *The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families*, 14, 221–225. <https://doi.org/10.1177/1066480706287278>
- Tashcheva, A. I., Gridneva, S. V., Stefanenko, T. G., & Tikhomandritskaya, O. A. (2016). Ethnically mixed marriages through the phenomenon of marriage satisfaction. *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 13(3), 39–52. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3> (in Russian)
- Tishkov, V. A. (2017). Mirovoj opyt polietnichnosti i Rossiya: tri prichiny dlya interesa [The global experience of polyethnicity and Russia: three reasons for curiosity]. In V. A. Tishkov & V. V. Stepanov (Eds.), *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnical and religious diversity in Russia]* (pp. 11–21). Moscow: IEA RAS.
- Trifonova, A. T. (2014). *Sovremennyye mezhetnicheskie sem'i: cennostnyye orientacii [Modern interethnic families: value orientations]*. Ulan-Ude: Buryat State University named after D. Banzarov
- Ualieva, S., & Edrien, E. (2011). *Mezhetnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i "druzhiba narodov" v sovetskom i postsovetskom Kazakhstane [Interethnic marriages, mixed origin, and "friendship of peoples" in Soviet and post-Soviet Kazakhstan]*. *Neprikosovennyi Zapas*, 6, 34–45.
- Van Niekerk, J., & Verkuyten, M. (2018). Interfaith marriage attitudes in Muslim majority countries: A multilevel approach. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 28(4), 257–270. <https://doi.org/10.1080/10508619.2018.1517015>
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, 10, 341–357.
- Verkuyten, M., & Yildiz, A. A. (2007). National (dis)identification, and ethnic and religious identity: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33, 1448–1462.
- Voronina, A. S. (2009). *Transformatsii modelei povedeniya v mezhkul'turnoi kommunikatsii na primere smeshannykh brakov i mezhkul'turnykh sozhitel'stv [Transformations of behavior patterns in intercultural communication in terms of mixed marriages and intercultural cohabitation]*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, 3, 142–147.
- Zhigunova, M. A., & Koptyaeva, E. A. (2016). National mixed marriages as a variation of ethnocultural identity. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]*, 5(43), 100–104. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/21> (in Russian)
- Zhukovskaya, N. L. (1992). Buddhism and problems of national and cultural resurrection of the Buryat nation. *Central Asian Survey*, 11(2), 27–41. <https://doi.org/10.1080/02634939208400770>